А.Ю. Ермолов
к.и.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЁНЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО СССР

Аннотация. Работа посвящена характеристике взглядов современных российских историков и экономистов на экономические проблемы позднего СССР. Как и современные зарубежные исследователи, российские учёные предложили ряд собственных интерпретаций экономических проблем позднего СССР, которые в чём-то пересекаются, а в чём-то противоречат друг другу. Всё это осложняется не прошедшими у советских поколений травмами от распада СССР или неожиданных для многих политических и экономических трансформаций, воспоминаниями о собственной причастности к событиям прошлого. В последнем случае научные работы могут служить не только поисками истины, но и самооправданию. У многих авторов присутствует сильно выраженная идеологическая позиция, явно влияющая на их исследования. Тем не менее в каждом исследовании можно найти полезные идеи. Их изучение помогает выявлению «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий. Во второй части статьи рассматриваются взгляды экономистов, находящихся как в рамках мейнстрима, так и на периферии на научного сообщества.

Ключевые слова: *экономическая история СССР, распад СССР, плановая экономика, социализм, рыночные реформы, институты, элиты, бюрократия.*

JEL: P20, P21, P27, P3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_156_173

© А.Ю. Ермолов, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ермолов А.Ю.* Взгляды современных российских учёных на экономические проблемы позднего СССР // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2023. С. 156–173. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2023_2_156_173.

FOR CITATION: *Ermolov A.Yu.* The Views of Modern Russian Scientists on the Economic Problems of the Late USSR // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. 2023. Pp. 156–173. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_156_173.

В первой части работы, посвящённой российским исследователям, был предпринят историографический обзор [*Ермолов*, 2022]. Здесь предполагается дать характеристику позиций экономистов, занимавшихся исследованием экономических проблем позднего СССР. Среди них можно выявить две основные группы, которые могли бы претендовать на статус «мейнстримных». Одну можно обозначить как либеральную, а другую — условно «реформистскую». Позиции обеих групп уходят своими корнями в споры последнего десятилетия существования СССР, среди них широко представлены участники дискуссий тех лет и даже есть политические деятели конца прошлого века. Обе группы имеют много точек соприкосновения, но отличаются по одному принципиальному вопросу — вопросу о возможности реформирования экономики СССР. Представители второго направления считают, что экономические проблемы СССР можно было бы решить или хотя бы существенно смягчить с помощью реформ, использующих элементы рыночных

отношений, чтобы добиться успешного сочетания плана и рынка. И в силу этого для него центральным сюжетом становятся косыгинские реформы, которые рассматриваются как неудачная, но всё же имевшая шансы на успех альтернатива. Напротив, для «либералов» никакого реформистского пути для советской экономической модели не существовало, так как она была порочна в принципе. Её можно было только заменить на рыночную модель. Особый оттенок этому направлению, отличающий его от западного «мейнстрима», придает заложенный Е.Т. Гайдаром интерес к конкретному «кейсу» нефтяного экспорта из СССР.

Отдельно следует также выделить группы исследователей с социал-демократическими взглядами, а также учёных, специализирующихся на проблемах истории советской и российской экономики.

«Реформисты»

Хороший пример позиций «реформистов» — сборник очерков «Экономическая история СССР», написанный коллективом авторов Института экономики РАН под руководством Л.И. Абалкина. Ключевая концепция, объединяющая этот сборник, выражена в статье Л.И. Абалкина и Е.А. Иванова «Судьбы, противоречия и периодизация развития советской экономики». По их мнению, в СССР неоднократно делались попытки совместить план и рынок, «подобные поиски представляли собой серьёзные шансы преобразования экономической системы Советского Союза» [*Экономическая история СССР*, 2007. С. 20]. В числе этих попыток были и косыгинские реформы, с помощью которых пытались преодолеть недостатки плановой системы: «отсутствие должной мотивации к труду и к новациям, невостребованность технических новшеств, излишнюю гарантированность для производственных коллективов стабильности финансирования их работы, как правило, независимо от их усилий» [Там же. С. 17]. Но реформа потерпела неудачу, в том числе потому, что была, с одной стороны, недостаточно радикальной, а с другой — не имела должной поддержки со стороны партийных органов. Всё это заставило авторов обратить внимание на политические аспекты реформирования и сделать вывод, что необходимым условием эффективной модели хозяйствования является наличие институтов гражданского общества[1] [Там же. С. 20].

Другой важный концептуальный текст сборника — статья Д.Е. Сорокина «Был ли неизбежен распад советской экономической системы». Исходным пунктом рассуждений её автора становится тезис о формировании в СССР административно-командной, мобилизационной экономики. Она имела определённые достоинства, которые объясняют её успехи в определенные периоды (в годы первых двух пятилеток, во время Великой Отечественной войны, в ходе послевоенного восстановления народного хозяйства). В то же время, помимо тяжёлой цены для общества, эта модель имела и ряд других недостатков (глубокие диспропорции в экономике, низкие темпы внедрения передовых технологий, проблемы с трудовой и технологической дисциплиной, плохая работа транспорта), которые проявились уже в ходе третьей пятилетки, а после завершения послевоенного восстановления заявили о себе во всю мощь [Там же. С. 472–473]. Поэтому к середине 1960-х гг. советская экономическая наука пришла к выводу, что «централизованное управление

[1] Необходимо подчеркнуть, что к этим выводам Л.И. Абалкин пришёл не только в результате анализа косыгинских реформ. Не меньшее, а, возможно, и большее влияние имел его собственный опыт работы в Правительстве СССР в качестве вице-премьера, отвечающего за экономические реформы, и главы Комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе. Тогда разработанные под его руководством программы и 1989, и 1990 гг., и, казалось бы, получившие одобрение «на самом верху», тем не менее, были в последний момент заблокированы по политическим мотивам. — *Прим ред.*

народным хозяйством, построенное на жёсткой иерархической регламентации экономической системы, имеет свои пределы» [Там же. С. 475]. Предпринятые в связи с этим реформы, направленные на переход к экономической системе, сочетающей централизованное управление и экономическую самостоятельность, привели к перелому тенденции замедления темпов экономического роста. Но в дальнейшем реформы были свёрнуты, а новые попытки движения в том же направлении, предпринятые в 1979 и 1985 гг., не дали результатов. Темпы экономического роста снижались, главной причиной их торможения стала «невозможность экономики СССР перейти на преимущественно интенсивные факторы роста» [Там же. С. 477].

Централизованная система управления не могла совершить переход к постиндустриальным технологиям и новому качеству экономического роста. Причину этого дефекта Д.Е. Сорокин видит в том, что большие сложные органические системы не могут сохранять свою целостность без механизмов саморегулирования, а в качестве такого механизма автор явно предполагает рыночный. Эта уверенность вызывает вопросы: очевидно, что рынок не является безальтернативным механизмом саморегуляции, поскольку присущ только человеческим сообществам, да и в них охватывает далеко не все сферы жизни, что заставляет предполагать наличие альтернатив. По-видимому, существовали такие механизмы и в рамках советской экономики (влияние на принятие решений со стороны ведомств и территориальных единиц), но Д.Е. Сорокин относит их к «псевдорегулированию» и считает исключительно негативным фактором [Там же. С. 483]. Однако автору стоило бы задуматься: если бы эти агенты начали действовать в рыночной среде, стало бы это средством достижения оптимальности управления?

В целом Д.Е. Сорокин считает, что с чисто экономической точки зрения никаких препятствий для реализации реформ не было. Но в то же время препятствия были со стороны общественного сознания, которое было сформировано в условиях традиций сильного государственного вмешательства в экономику и слабого гражданского общества. Фактором, который мог бы преодолеть это препятствие, была последовательная государственная политика, разъясняющая обществу необходимость реформ (т.е. автор парадоксальным образом опять видит выход в государственном вмешательстве, навязывающем свою позицию обществу, только на этот раз эта позиция окажется «правильной», в отличие от предыдущих попыток). Такое воздействие требовало высокого авторитета государственной власти и должного запаса времени. Этого авторитета власть не имела в конце 1980-х гг., но она вполне обладала им в 1950–1960-е гг. Беда в том, что имея возможность, власть не воспользовалась ею. Здесь Д,Е. Сорокин подходит к проблеме качества элиты и механизмов её рекрутирования, но не берётся рассматривать этот вопрос в рамках своего исследования [Там же. С. 487–88].

Вопрос судьбы экономических реформ А.Н. Косыгина затронут ещё в нескольких статьях сборника, но с большим уклоном в фактологическую сторону вопроса. Так, статья В.М. Иванченко описывает события с точки зрения их непосредственного участника и интересна тем, что автор не видит какого-либо разрыва в преемственности экономической политики второй половины 1960-х и 1970-х гг., рассматривая позднейшие структурные реформы (создание производственных объединений) как продолжение косыгинских реформ [Там же. С. 55]. В целом автор отмечает падение темпов экономического роста, но, с его точки зрения, это не свидетельствовало о кризисе таких масштабов, который потребовал бы революционного слома.

Панегирик косыгинским реформам представляет собой статья Е.А. Иванова «Десятилетие экономического прагматизма». Но вместе с тем, давая высокую оценку результатам реформы, особенно в ходе VIII пятилетки, которую автор гордо называет «Пятилеткой, которая была выполнена» (намекая этим на то, что другие пятилетние планы выполнены

не были)[2], Е.А. Иванов задается справедливым вопросом: почему в 9-й пятилетке не были закреплены успехи 8-й? Неожиданным образом ответы он находит преимущественно в частных вопросах, в отличие от большинства других авторов, видевших проблему в неэффективности системы в целом. Так, по его мнению, важную роль сыграло давление на Госплан политической власти, которой хотелось повторить успех 8-й пятилетки в производстве товаров народного потребления и продолжить повышение уровня жизни с теми же высокими темпами, в то время как обстоятельства требовали, напротив, увеличить вложения в производство инвестиционных товаров, чтобы подстегнуть научно-технический прогресс [Там же. С. 90]. Автор пишет о неудачных попытках Госплана противодействовать этой ошибочной стратегии, которая находила поддержку и среди промышленных министерств, но в конце концов плановикам пришлось отступить. Представляет интерес то, что могущественные ведомственные лоббисты, о которых пишут многие авторы, почему-то оказались бессильны тогда, когда их помощь была нужнее всего, и они к тому же выступали единым фронтом. К несчастью, этот сюжет оказался не единичным, а повторился при планировании 10-й и 11-й пятилеток, что усугубило заложенные ошибочными решениями проблемы. Такой путь не позволял поддерживать в долгосрочной перспективе высокие темпы экономического развития, не позволял перейти к использованию новых передовых технологий и в конечном счёте негативно сказывался на жизненном уровне населения [Там же. С. 96]. Ситуация усугублялась тем, что нерационально были использованы валютные резервы, полученные от экспорта нефти.

К «реформаторскому» направлению можно отнести и книгу известного экономиста и историка экономики Р.А. Белоусова «Экономическая история России: XX в.», в которой экономике позднего СССР уделено внимание в 5-м томе. По его мнению, идея соединения плана и рынка была не просто осуществима, она представляла бы собой такое же революционное соединение противоположностей, которое представляла собой паровая машина, в которой соединялись вода и огонь. Без рыночных элементов система планирования, пытающаяся учесть 25 млн показателей, превращалась «в нечто похожее на астрологический прогноз по звездам» [*Белоусов*, 2006. С. 54]. В этих условиях широко распространился метод «планирования от достигнутого», который побуждал хозяйственных руководителей скрывать производственные мощности и не использовать имеющиеся возможности в полной мере, чтобы избежать слишком напряжённых планов в будущем.

Белоусов, подробно описывая механизм косыгинских реформ, считает, что они оказали стимулирующее воздействие на развитие экономики, особенно на работу крупных промышленных предприятий, которые могли максимально использовать предоставленные благодаря реформе возможности [Там же. С. 44]. Наибольший результат проявился в 1967 г., первом году реализации реформ. Но в дальнейшем непоследовательность и противоречивость реформ привели к снижению темпов экономического развития. Например, плата за фонды так и не стала основной формой поступления денег от предприятия государству, уступая прямому перераспределению прибыли предприятия в госбюджет (автор связывает это с усилением гонки вооружений). В то же время стимулирующие фонды

---

[2] К сожалению, говорить о реальном выполнении плана 8-й пятилетки, особенно в свете анализа косыгинских реформ, нельзя; Е.А. Иванов сделал здесь грубую ошибку. И прежде всего это касается такой ключевой темы, как соотношение роста I и II подразделений общественного производства. Сама суть экономической реформы с её акцентом на материальное стимулирование и рост благосостояния населения требовала изменения в соотношении темпов роста этих подразделений в пользу второго. Это было заложено в директивные показатели, где темп роста II подразделения должен был превышать на 2 п.п. темп роста I подразделения. Однако это осуществить не удалось: темпы роста двух подразделений лишь несколько сблизились, составив 44 и 42% в пользу I подразделения. Для сравнения: в 7-й пятилетке это соотношение было 40 к 28%, а в 9-й пятилетке оно составило 41 к 37%. Таким образом, от самой идеи материального обеспечения роста номинальных доходов населения соответствующим ростом производства товаров народного потребления руководство СССР фактически отказалось, несмотря на все декларации (Подробнее: Концептуальные проблемы рыночной трансформации России. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 260–261). — *Прим. ред.*

значительно уступали в размерах фондам заработной платы и не могли оказать значимого воздействия на мотивацию сотрудников.

Первоначальные успехи реформ создали новые политические проблемы, так как рост популярности и влияния А.Н. Косыгина представлял опасность для Л.И. Брежнева. В этих условиях осторожный Косыгин уклонился от политической борьбы за продолжение реформы, сосредоточившись на локальных вопросах реорганизации управления промышленностью, которые хотя и дали определённый экономический эффект, в первую очередь за счёт более тесного соединения производства и прикладной науки, но в целом не сопровождались ожидаемым ростом производительности труда. Проблема была и в том, что после сворачивания косыгинских реформ те хозяйственные руководители, которые поверили в неё и повысили эффективность работы промышленности «потеряли веру в то, что положение можно исправить» [Там же. С. 82]. В результате промышленность с точки зрения эффективности не просто вернулась на исходные позиции, но откатилась назад.

В своем исследовании Белоусов уделяет значительное место описанию политических процессов, в том числе борьбе за власть внутри советской элиты и её постепенному разложению. Он отмечает, что «процесс замены “увядающих” кадров на самом “верху” приобрел весьма болезненный характер» [Там же. С. 19]. Процесс разложения затронул и более низкие слои, где «появились элементы коррупции в натуральной форме» [Там же. С. 134], хотя автор считает их только первыми признаками опасной болезни.

Взгляды Ю.М. Голанда и А.Д. Некипелова, изложенные ими в статье «Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж», можно отнести к компромиссным между двумя направлениями. Они не считают, что реформирование советской экономики было обречённым делом, но при этом полагают, что успешный результат могли дать только очень глубокие реформы. В СССР 1960-х гг. могла сформироваться динамичная социально-ориентированная рыночная экономика, а «можно ли было бы называть такую экономику социалистической — вопрос определений» [*Голанд, Некипелов*, 2010. С. 65]. Для этого требовалось превратить государственные предприятия «в полноценных товаропроизводителей, ориентирующихся на потребности рынка», а также «заменить директивную систему планирования индикативной» [Там же. С. 64]. В дальнейшем следовало «по мере перевода в рыночный режим функционирования государственного сектора создавать условия для развёртывания на конкурентной основе частнопредпринимательской инициативы» [Там же. С. 64]. Все эти меры требовалось проводить постепенно, чтобы дать время для постепенной адаптации.

Что же касается тех реформ, которые реально были проведены под руководством А.Н. Косыгина, то они задействовали лишь те резервы, которые лежали на поверхности, что и обусловило их краткосрочный эффект [Там же. С. 62]. Не были использованы глубинные резервы, в первую очередь передовые научно-технические разработки. Следующими необходимыми шагами реформы авторам видятся разрешение оптовой торговли средствами производства, переход предприятий на полный хозрасчёт, повышение роли прибыли. Но руководство страны испугалось, что эти меры приведут к потере управляемости экономической системы, а затем потребность в реформах была временно снята за счёт притока иностранной валюты. Эти две позиции авторов представляются плохо сочетаемыми. Если выход состоял в том, чтобы модернизировать экономику с опорой на новые технологии, то предложенные меры не только не способствовали, но отчасти даже препятствовали ему. Такой переход требовал бы централизованного накопления распределения инвестиций в таких масштабах, которые не были бы доступны среднестатистическому советскому заводу или совхозу. Более логичным с точки зрения такой стратегии выглядят как раз те меры, которые А.Н. Косыгин предпринимал в 1970-е гг., т.е. создание научно-производственных объединений, сочетающих производственные мощности и инженерный потенциал для создания новых технологий.

Либералы

Большое влияние на научное сообщество оказала книга Е.Т. Гайдара «Гибель империи». В ней сочетается анализ как политических, так и экономических процессов. С политической точки зрения, по мнению Гайдара, любая империя в конечном счёте неэффективна, поскольку обременяет общество необходимыми для своего существования инфраструктурными проектами и вложениями в развитие отдалённых территорий. Империи неизбежно подавляют политические свободы, так как не могут убедить рядового избирателя в необходимости тяжёлых трат на своё существование. Автократические имперские режимы не в состоянии справиться с вызовами усложняющегося развивающегося общества, такими как урбанизация и рост уровня образования. Поэтому, по мнению Е.Т. Гайдара, советская империя была обречена уже в силу своей природы. Эта оценка СССР как империи, на мой взгляд, остаётся открытой для дискуссий. Если СССР и можно называть империей, то всё же следует считать его империей необычной, к которой неприменим опыт существования других империй.

Второй причиной обречённости СССР была его экономическая система. В самом начале её существования И.В. Сталин выбрал неправильную модель индустриализации (правильная модель предлагалась Н.И. Бухариным). Судьба этой модели демонстрирует, как «казалось бы прочные, но не гибкие экономико-политические конструкции, не способные изменяться, адаптироваться к вызовам современного мира, оказываются хрупкими, рушатся под влиянием трудно прогнозируемых обстоятельств» [*Гайдар*, 2006. С. 244]. Модель разрушается, даже если сила внешнего воздействия невелика. Негибкость социалистической экономики проявлялась, в частности, в её тяготении к крупным затратным проектам. Для успешной реализации таких проектов требовался постоянный приток новой рабочей силы, но в позднем СССР трудовые резервы, ранее предоставляемые деревней, были исчерпаны. Многие из этих больших проектов в принципе оказались ошибочными, их реализация причинила экономике прямой вред. В качестве примера Е.Т. Гайдар приводит историю осушения залива Кара-Богаз-Гол. Пример не слишком удачен, так как представляет собой скорее вариант провала экспертного сообщества, а не экономической модели. К сожалению, спорные или ошибочные природоохранные проекты могут реализовываться не только в социалистических обществах.

На раннем этапе своего существования советская система была эффективна за счёт опоры на массовый страх, охвативший всё общество. Но после смерти Сталина страх ушёл, а без страха действенность методов управления упала [Там же. С. 82].

Серьёзнейшей проблемой позднего СССР, как отмечает Е.Т. Гайдар, было тяжёлое состояние сельского хозяйства. Безжалостная эксплуатация села в 1930–1950-е гг. привела к непоправимой деградации его социальной структуры [Там же. С. 87]. Эта деградация делала неэффективными попытки повысить сельскохозяйственное производство за счёт роста инвестиций, предпринимаемые в позднем СССР. Сельское хозяйство поглощало всё больше и больше вложений в виде сельскохозяйственной техники, химической продукции (в том числе вредных для здоровья ядохимикатов), работ по мелиорации земель, но отдача от них была низкой. Чтобы решить проблему снабжения населения продуктами питания, СССР приходилось во всё больших размерах импортировать продовольствие. Он стал самым крупным покупателем зерна на мировом рынке. Отсутствие механизмов рыночной экономики не давало балансировать спрос и предложение автоматически, а политические обязательства не позволяли регулировать цены административным путем [Там же. С. 94–95]. Так советское руководство оказалось в ловушке, не имея возможности ни повысить производство сельхозпродукции, ни ограничить спрос за счёт цены.

Казалось, что положение спасёт нефтяной экспорт, который давал возможность оплачивать закупки продовольствия [Там же. С. 104]. Но этот экспорт формировал опасную зависимость, подобную зависимости от экспорта драгоценных металлов, некогда

погубившей экономику Испании. Е.Т. Гайдар много внимания уделяет этой зависимости и влиянию колебаний мировых нефтяных цен на состояние советской экономики. Он обращает внимание и на то, что в СССР недооценивали этот фактор и его опасность. Из-за такой недооценки в СССР не были созданы мощные золотовалютные резервы, способные поддержать экономику на плаву в случае снижения экспортных доходов. В результате их падение вследствие обвала нефтяных цен породило угрозу голода и способствовало краху СССР. При этом Е.Т. Гайдар не считает, что сами по себе колебания нефтяных цен были причиной гибели Советского Союза. Это был лишь относительно небольшой внешний толчок, а истинной причиной гибели стали внутренние дефекты советской системы, из-за которых даже такое внешнее воздействие оказалось роковым.

Следует отметить, что один из ключевых элементов концепции Е.Т. Гайдара был поставлен под сомнение исследовательницей истории советской нефтяной промышленности М.В. Славкиной, данные которой Гайдар использовал в своем труде. По её расчётам падение доходов советского бюджета от экспорта нефти с 1980–1989 гг. было незначительным (с 15,74 до 14,66 млрд долл.), и эти доходы всё ещё в разы превышали уровень 1970-х гг. [*Славкина*, 2015. С. 322]. Кроме того, в течение 1980-х гг. значительно вырос экспорт газа в долларовую зону, что, как минимум, полностью компенсировало падающие нефтяные доходы. Таким образом, к этой части концепции Гайдара имеет смысл относиться с осторожностью, так как, возможно, мы здесь имеем дело с попытками представить читателю ситуацию в более мрачном свете с целью самооправдания за результаты собственной политики.

В целом книга Е.Т. Гайдара содержит много интересных мыслей, но не все они прошли проверку временем. Так, настойчиво пропагандируемая автором идея создания максимально больших золотовалютных резервов, как показала практика, ведёт к ещё большей уязвимости государства в условиях геополитического противостояния (могут быть потеряны и импортные поставки, и валютные резервы). С другой стороны, нельзя не признать, что благодаря золотовалютным резервам Россия не столь болезненно пережила мировой экономический кризис 2008–2009 гг.

Хотя работа Е.Т. Гайдара получила широкую популярность и стала в каком-то смысле знаменем «либерального» направления, всё же, в силу склонности автора придавать большое значение проблеме нефтяного экспорта, её нельзя считать характерным примером. Более показательна, на мой взгляд, коллективная монография «Упущенный шанс или последний клапан», подготовленная Р.М. Нуреевым по итогам конференции, прошедшей в 2015 г. в Финансовом университете и посвящённой косыгинским реформам. Название монографии содержит отсылку к известному тезису В.И. Ленина о реформах П.А. Столыпина как о последнем клапане, который оттягивает крах старого режима. Это «мертворожденная реформа», которая играет «роль клапана, выпуская хотя бы часть пара из бурлящего котла социально-экономических противоречий» [*Упущенный шанс…*, 2017. С. 6]. Впрочем, Р.М. Нуреев предпочитает, как кажется, третий подход, который рассматривает косыгинскую реформу как локальный успех, пусть и не спасший советскую экономику, но давший советским людям «глоток воздуха» [Там же. С. 7]. В принципе такой подход можно считать несколько более благожелательной вариацией тезиса о нереформируемости советской системы.

Авторский коллектив, подготовивший монографию, представлен 21 автором. Разумеется, в таком случае редко возникает полное единство позиций. Но вычленить определённое направление взглядов всё же представляется возможным. Авторы считают, что реформы Косыгина «дали на первых порах значительный позитивный импульс экономике» [Там же. С. 12]. Но в целом реформа стояла на крайне непрочных основаниях, так как «была попыткой создания рыночного сектора экономики без необходимых предпосылок: без реальной экономической обособленности государственных предприятий (без элементов частной собственности), экономической конкуренции, рыночной инфраструктуры (без фондового рынка, коммерческих банков, института банкротства и т.д.)» [Там же. С. 15]. Что касается

сельского хозяйства, то здесь реформа тоже «стала как бы инородным телом в сохраняемой системе экономических и общественных отношений, которое в конце концов было подавлено окружающей социально-экономической средой» [Там же. С. 65], в результате чего оно так и осталось «чёрной дырой» советской экономики. Для успеха реформы требовалось изменить механизм «власти-собственности», на что консервативно настроенная бюрократия пойти не могла. В результате «большинство мероприятий, ориентированных на достижение прогрессивных сдвигов, остались нереализованными, поскольку вступали в противоречие с бюрократически централизованной системой управления» [Там же. С. 60].

Анализируя ход реформ, авторы просматривают в них несколько сменяющих друг друга циклов, выделяя периоды «реформаторских приливов», в ходе которых расширялась самостоятельность предприятий, стимулировалась их инициатива, и «консервативных отливов», когда усиливались централизация и контроль, увеличивалось число планируемых показателей и т.д. Эти циклы продолжались и после отставки Косыгина, и до смерти Брежнева в 1982 г. [Там же. С. 76]. По идее, одно это обстоятельство должно было бы побудить авторов скорректировать свои вышеизложенные выводы об инородности реформ, неразрешимых противоречиях с бюрократической системой, отсутствии для них предпосылок и социальной базы.

Неожиданную параллель авторы проводят между 1970-ми и 2000-ми гг., видя и там, и там укоренённый страх общества (как элиты, так и простых людей) перед любыми переменами [Там же. С. 23]. В итоге режим отказался от сущностных реформ, занимаясь лишь их имитацией. Помимо таких психологических причин были и более прагматические, связанные с «ресурсным проклятьем» советской экономики. Из-за него возникла альтернатива как реформистскому, так и консервативному антирыночному путям: интеграция в мировую экономику в качестве сырьевого придатка развитых стран при сохранении командно-административной системы. Конечно, приток валюты от продажи нефти не был причиной отказа от продолжения реформ, но он закрепил этот отказ как долгосрочную меру [Там же. С. 26]. Но главной причиной авторы считают внутренние закономерности советской административно-командной системы. Косыгин «не смог изменить прежний порядок хозяйственных связей на основе введения хозрасчёта и самоокупаемости, ибо централизованные планирующие органы сохранили за собой право определять хозяйственное развитие отраслей и отдельных предприятий» [Там же. С. 66]. В итоге «партийное руководство страны, сделав несколько шагов к рынку, не решилось на дальнейшее развитие и стало «пятиться» назад» [Там же. С. 60]. Несколько утрированно выглядят выводы Н.В. Цхададзе: «…в конечном итоге реформа Косыгина способствовала лишь разрастанию управленческого аппарата министерств и ведомств, которые подменяли собой нормальный рыночный механизм» [Там же. С. 66].

Авторы уделяют большое внимание роли советской экономической науки в подготовке реформ. В связи с этим они затрагивают несколько сюжетов, о которых продолжают идти споры: о реальной роли Е.Г. Либермана, о значении экономических дискуссий начала 1960-х гг., о планах создания ОГАС как альтернативном варианте реформ. В отношении последнего вопроса авторы склоняются к выводу, что оба проекта не противоречили друг другу и могли бы к взаимной пользе быть реализованы совместно. В целом анализ этих проблем позволяет сделать выводы о том, что косыгинские реформы с точки зрения научного обоснования были подготовлены лучше, чем другие экономические реформы в нашей истории. Впрочем, этот вывод приводит Р.М. Нуреева к парадоксальному заключению, что хорошая научная проработанность стала препятствием к продвижению реформ дальше вглубь, так как «дальше всех заходит тот, кто не знает, куда идти» [Там же. С. 249].

Несколько выбивается из общей линии работы раздел, написанный К.Н. Лебедевым, который высказывает мысль, что возможности совершенствования существующей системы управления без использования рыночных механизмов не только не были исчерпаны, но и потенциально могли дать значительный эффект [Там же. С. 156]. Так, многие принципы,

которыми руководствовались советские плановики, Лебедев оценивает как институциональные ловушки. К таковым он относит в первую очередь принцип периодического, а не непрерывного планирования. Когда-то установившийся в результате желания придать плану силу закона, он продолжал существовать в позднем СССР, когда невыполнение плана стало рутинной бюрократической процедурой, просто потому, что альтернативные возможности не рассматривались. Признание возможности и необходимости постоянной корректировки планов в ходе их выполнения придало бы советской экономике больше гибкости и значительно повысило скорость реагирования на изменения, в том числе появление новых технологий[3]. Также К.Н. Лебедев считает институциональными ловушками принципы работы контрольных органов, которые лишь фиксировали недостатки, но не предлагали путей их решения, и попытку давать оценку деятельности руководителям по формальным критериям, без комплексного анализа ситуации и учёта долгосрочных решений. Здесь стоит отметить, что в подобную ловушку попадала не только советская система управления, но и системы управления многих других стран и хозяйствующих субъектов.

Помимо двух господствующих направлений можно выделить и категорию исследователей, считающих, подобно К.Н. Лебедеву, что система была способна к реформированию, но это реформирование должно было лежать не в области заимствования элементов рынка. Так, получивший в период «перестройки» известность благодаря своей критике методов советской статистики и переоценке темпов экономического роста экономист Г.И. Ханин в своей книге «Экономическая история России в новейшее время» выдвигает концепцию, согласно которой экономике СССР могла помочь не экономическая, а политическая либерализация, сочетающаяся с повышением интеллектуального уровня общества и особенно руководства. При этом принципы социалистической экономики могли бы в общих чертах сохраниться. Ключевой проблемой СССР, по мнению Ханина, был слабость интеллектуального потенциала советского общества, особенно в области гуманитарного знания [*Ханин*, 2008. С. 305]. Эту проблему могла бы решить либерализация интеллектуальной жизни, и движение в этом направлении в период «оттепели» даже дало некоторый ограниченный эффект, но этот эффект следовало закрепить последующими реформами.

Фактически речь идёт скорее не о политической, а об интеллектуальной либерализации, свободе мысли и дискуссии, которым противостояли авторитарные политические традиции не только государства в целом, но и многих конкретных институтов. И что было самым опасным, среди таких институтов были традиции, сложившиеся в науке. Советскую науку Г.И. Ханин считает самой неэффективной отраслью экономики, даже большей проблемой, чем сельское хозяйство [Там же. С. 496]. Конечно, его критические выводы хочется подвергнуть сомнению. К примеру, имеет ли смысл придавать такое значение международному признанию авторитета советских ученых? Нет ли противоречия между низкой оценкой эффективности советских прикладных разработок и тем фактом, на который обращает внимание и сам Г.И. Ханин, что основное финансирование и лучшие кадры были сосредоточены в военной промышленности? Но в целом автор, представляется, обнаружил важную проблему, которую надо в дальнейшем более тщательно исследовать. В частности, неплохо было бы понять, что и кто стоит за огромной цифрой научных работников в СССР.

---

[3] «Институциональные ловушки» в советском планировании изобретены, конечно же, К.Н. Лебедевым, положения которого автор приводит без какой либо критики. Это странно, так как если обратиться к характеристикам практики советского планирования, широко представленной в работе Н. Митрохина*, разбираемой А. Ермоловым ниже, то легко заметить, что планы как раз постоянно и официально корректировались, о чём свидетельствуют и документы, и воспоминания сотрудников ЦК КПСС и работников Госплана. Более того, если бы руководство действовало бы иначе, то больше половины советских трудящихся потеряли бы существенную часть зарплаты, а директора предприятий и организаций, как и председатели колхозов, оказались бы без работы, а то и вообще, в соответствии с советским законодательством (ведь план считался законом!) должны были бы отправиться в «места, не столь отдалённые». — *Прим. ред.*

*** Митрохин Николай Александрович включен в реестр иностранных агентов 08.09.2023**

Другой стороной проблемы была интеллектуальная слабость руководства страны. Вызовы, стоявшие перед руководителями позднего СССР, в том числе в экономической области, были крайне серьёзными, требовавшими сложных решений. Вместе с тем ни у кого из них не было фундаментальных экономических знаний, понимания экономической теории. Экономическая теория ассоциировалась у них «с нудными, далёкими от жизни учебниками по политэкономии, по которым они учились в советских вузах» [Там же. С. 374]. Плохую услугу им оказывало научное сообщество, представители которого, привлекавшиеся в качестве консультантов, не имели крупных научных заслуг и были пригодны в основном для написания речей. Не удивительно, что в экономической политике было допущено много ошибок. Политическая либерализация, по мнению Г.И. Ханина, могла бы привести в состав руководства более молодые и лучше подготовленные кадры (вопрос, правда, в том, откуда они взялись бы, учитывая критическую оценку, данную Ханиным советской науке). В целом это предположение Г.И. Ханина выглядит привлекательно, но на деле заставляет вспомнить о давних проблемах во взаимоотношениях общества и государства, характерных для нашей страны. Предлагаемая им (вслед за некогда выступившим с таким предложением А.Д. Сахаровым) либерализация дала бы эффект, если бы государство и общество пошли на сотрудничество друг с другом. Но, вполне возможно, в протянутую государством руку был бы положен камень.

Ключевой ошибкой советского руководства в экономической области Г.И. Ханин считает неправильную структурную политику [Там же. С. 378–382]. Возвращаясь к принесшей ему когда-то известность критике советской экономической статистики, он утверждает, что она давала руководству искажённые представления о реальности. Речь шла не только о завышенных темпах экономического роста, но, что ещё важнее, о преувеличенных оценках размеров основных фондов, что создавало ложное впечатление благополучия и даже наличия неких скрытых резервов там, где на самом деле назревали глубокие проблемы. Экономический рост тормозился в первую очередь из-за недостатка вложений в основные фонды, что требовало нарастить производство средств производства (группа А), в то время как дезориентированное руководство страны настаивало на опережающем росте товаров потребления (группы Б). Хотя системе удавалось ещё успешно реализовывать отдельные удачные проекты, постепенно ситуация становилась настолько критичной, что для её исправления требовался решительный рывок в стиле 1930-х гг. Политика ускорения 1985 г. не могла стать таким рывком из-за её плохой интеллектуальной проработки, ошибочной направленности и непоследовательного исполнения.

Что же касается косыгинских реформ, то Г.И. Ханин полагает, что они принесли экономике больше вреда, чем пользы. Сама дискуссия 1960-х гг. об экономических реформах, с его точки зрения, демонстрирует уровень советской экономической науки. Эта реформа, по мнению Ханина, была «недодумана самими экономистами», которым «не хватило интеллектуальных сил» [Там же. С. 303]. Ряд руководителей страны обоснованно отнеслись к ней с настороженностью, но их недостаточный интеллектуальный и культурный потенциал («убогая форма выражения мысли» [Там же. С. 315]) не позволил им чётко обосновать причины своей настороженности, чтобы предотвратить это вредное мероприятие.

Социал-демократы

В книге А.И. Колганова «Путь к социализму, пройденный и не пройденный» проблема рассматривается с точки зрения концепции демократического социализма. По мнению автора, строительство социализма в СССР шло при активном участии бюрократии, выступавшей одновременно и как союзник пролетарской демократии в борьбе за социальные преобразования, и как противник этой демократии, консервирующий непроле-

тарские формы государственности [*Колганов*, 2018. С. 225]. Постепенно бюрократическая тенденция укреплялась, особенно сильно на этот процесс повлияла Великая Отечественная война, в ходе которой усилилась роль управляющих экономикой ведомств, особенно связанных с военной промышленностью. В послевоенный период набиравшие силу ведомства становились всё более самостоятельными и стремились оказывать влияние на экономическую политику государства в своих интересах [Там же. С. 357].

По мере развития и усложнения экономики система управления становилась всё менее эффективной, что выражалось в превращении ведомств в замкнутые системы с ярко выраженными собственными интересами. Централизованное же управление свелось к поиску компромиссов между всесильными ведомствами [Там же. С. 368]. Это вело к структурным диспропорциям и мешало реализовывать преимущества централизованной системы управления. Существование привилегированных и не привилегированных ведомств вело к неэффективному распределению ресурсов и постоянным проблемам с низким качеством продукции у тех производителей, которые были лишены доступа к качественным ресурсам. Постоянно возникавшие проблемы дефицита способствовали развитию теневой экономики. «Фактически в рамках государственного сектора и отчасти рядом с ним происходило формирование латентных рыночно-капиталистических отношений» [Там же. С. 373]. Рабочие фактически были отстранены от процессов управления. Правящий слой перестал осознавать опасность бюрократизации и не пытался её ограничить, в частности не прибегал больше к методам контроля бюрократии снизу. Младшее поколение бюрократии было равнодушно к официальным лозунгам и стремилось к западному образу жизни. В конце концов в условиях нарастания экономических проблем и непоследовательной политики руководства это новое поколение смогло привлечь широкие слои населения, использовав их для собственного прихода к власти и захвата собственности. Таким образом, главной проблемой и СССР, и его экономики оказалась бесконтрольная и беспринципная бюрократия.

Оригинальные взгляды изложены коллективом авторов (А. Галушка, А. Ниязметов, М. Окулов) в книге «Кристалл роста: к русскому экономическому чуду». По их мнению, идеальная модель экономики для нашей страны была создана в период правления И.В. Сталина. Последующее ухудшение экономической ситуации авторы связывают с многочисленными отступлениями от этой модели, приведшими к её ликвидации [*Галушка, Ниязметов, Окулов*, 2021. С. 205–238]. Первый шаг на этом пути был предпринят почти сразу после смерти Сталина в марте 1953 г., когда был ликвидирован Госснаб и проведено укрупнение министерств, а вслед за тем свёрнуто строительство ряда инфраструктурных объектов и осуществление «сталинского плана преобразования природы». Все дальнейшие большие и малые экономические реформы ещё больше отдаляли советскую экономику от идеальной сталинской модели, и по мере отдаления от идеала экономические проблемы в СССР нарастали. К таким реформам авторы, разумеется, относят реформу совнархозов, косыгинские реформы и перестройку. Также к наиболее вредным шагам, предпринятым в разные периоды послесталинского СССР, они относят ликвидацию артелей и приусадебных хозяйств, отказ от регулярного повышения норм выработки и снижения себестоимости, переход к планированию от достигнутого, отказ от двухконтурной модели денежного оборота.

Разумеется, нельзя отрицать право авторов критиковать ту или иную политику в разные периоды, тем более что в большинстве случаев там есть что критиковать. Но в данном случае вызывает сомнение сам принцип критики, превращающий сталинскую модель в идеал, а любое отступление от идеала определяющий как ошибку. В конце концов, Сталин тоже часто менял структуру управления, создавал и расформировывал управленческие структуры, пересматривал структурную политику. Наконец, нельзя думать, что какая-то одна модель, при всех её достоинствах, будет успешно функционировать в разных исторических условиях.

Интересное объяснение некоторых проблем поздней советской экономики предложил О.В. Григорьев в своей книге «Эпоха роста». Концепция, излагаемая Григорьевым, исходит из того, что разделение труда является главным фактором экономического роста и научно-технического прогресса. С этой точки зрения поздний СССР, экономические связи которого с развитыми странами были существенно затруднены, особенно в сфере возможности получения из-за рубежа высокотехнологичных товаров, находился в весьма невыгодном положении. Речь шла не только о влиянии такой вынужденной изоляции на экономический рост. В среде с более развитым мировым разделением труда формировалось более богатое предметно-технологическое множество, т. е. с точки зрения научно-технического прогресса больше задач можно было решить, комбинируя уже известные предметы, материалы и технологии. СССР же с его более бедным предметно-технологическим множеством (что находило, к примеру, выражение в нехватке или отсутствии научного оборудования определённых типов) должен был сосредоточиться на достижении паритета с западным миром хотя бы в некоторых ключевых областях, имеющих военное значение [*Григорьев*, 2014. С. 294]. То, что СССР сумел этого паритета добиться, объясняется не только концентрацией ресурсов на определённых направлениях, но и глубокими институциональными отличиями советской инновационной модели. Это не означает, что данная модель была более эффективной, скорее даже наоборот. Более того, со временем её неэффективность нарастала. В силу специфики дизайна ей был присущ ряд проблем: внедрение новых разработок требовало больших усилий, в случае работы в неприоритетных областях (а таких было большинство), инновации не могли носить принципиально новый характер (в качестве примера приводится запрет на проектирование оборудования, содержащего более ⅓ новых деталей [Там же. С. 297]). Имелись и серьёзные социальные последствия, к которым можно отнести увеличение массового слоя недовольной своим положением в обществе интеллигенции.

Оригинальная концепция, объясняющая крах СССР чрезмерными усилиями по подготовке экономики к мобилизации в случае войны, изложена в известной работе В.В. Шлыкова «Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика». В отличие от традиционно высказываемого и также традиционно оспариваемого тезиса о ВПК, разорявшем советскую экономику, Шлыков предлагает посмотреть на проблему в иной плоскости. Производство вооружений и военной техники было лишь верхушкой айсберга, основную массу которого составляла «структурная милитаризация» [*Шлыков*, 2001. С. 163]. Руководители СССР, исходя из опыта Великой Отечественной войны, считали нужным содержать резервные производственные мощности, запасы сырья и материалов, чтобы быть готовыми значительно увеличить производство в случае начала большой войны. Создавая эти запасы, советское руководство не только омертвляло огромный капитал, но и оказывало неблагоприятное влияние на всю структуру экономики. Возникал перекос в сторону добычи сырья и производства материалов нижних переделов, характерный и для современной российской экономики. Обрабатывающая промышленность часто использовала эти материалы нерационально (например, производилась алюминиевая посуда), потому что они всё равно производились в значительно завышенных по сравнению с потребностями масштабах. Промышленные предприятия были обременены запасами неиспользуемого оборудования, что ухудшало их статистические показатели. Сталкиваясь с выглядевшим нерациональным без учёта вышеописанных специфических проблем поведением, экономисты делали вывод о том, что «расточительство представляет собой неотъемлемую черту всякого централизованного планирования», а единственный способ избавления от этого безумия — либерализация [Там же. С. 158–159].

Как представляется, вопрос о советских мобилизационных запасах ещё нуждается в дополнительном изучении. С позиций отечественной экономической истории можно утверждать, что если такая стратегия мобилизационной подготовки действительно имела

место, то она основывалась не на подражании предвоенной мобилизационной подготовке и Великой Отечественной войне, а на критическом осмыслении этого опыта, с целью сделать не так, как было. Описанная Шлыковым система — вовсе не то, что пытались сделать в СССР в 1930-е гг., и тем более не то, что реально тогда получилось сделать.

Дискурсы историков экономики

Нельзя не сказать несколько слов о недавно увидевшей свет крайне интересной книге историка Н. Митрохина* « Очерки истории советской экономической политики в 1965–1989 годах». Несмотря на использование в названии слова «очерки», подразумевающего незавершённость и фрагментарность, это глубокое и многоаспектное исследование. Разумеется, многие его составные части всё ещё не полно раскрывают затронутые проблемы, а опора на интервью и мемуары как основные источники требует очень тщательной критики источников, поскольку и интервьюируемые, и мемуаристы порой могут утверждать (и утверждают) вещи, противоречащие известным фактам, например в вопросе производства станков с ЧПУ. И конечно, многие мысли автора будут не раз оспариваться другими исследователями. Но тем не менее на сегодняшний день это наиболее глубокое исследование по интересующей нас теме.

Хотя диапазон рассмотренных автором проблем обширен, самой интересной частью исследования является вопрос о влиянии политических фигур и заинтересованных групп на принятие решений в области экономической политики. В общих чертах расстановка фигур в 1970-е гг. — начале 1980-х гг. видится автору так: с одной стороны, отрасли-доноры, наполнявшие бюджет: нефтегазовая промышленность, легкая промышленность, производство алкоголя, легковых машин и бытовых приборов, банкинг. Их интересы защищал аппарат Совета Министров, премьер А.Н. Косыгин, председатель Госплана Н.К. Байбаков и министр финансов В.Ф. Гарбузов. С другой стороны, имелись две «священные коровы» советской экономики, поглощавшие больше всего ресурсов — оборонная промышленность и сельское хозяйство. За их приоритетное развитие выступали сам Л.И. Брежнев, а также министр обороны Д.Ф. Устинов и секретари ЦК КПСС по сельскому хозяйству Ф.Д. Кулаков и сменивший его после смерти в 1978 г. М.С. Горбачев [*Митрохин**, 2023. С. 550–551]. Если исключительное положение военной промышленности хорошо объясняется необходимостью продолжать гонку вооружений, то сильные позиции сельского хозяйства объясняются политическим влиянием партийных руководителей сельскохозяйственных регионов, которых просто было больше, чем крупных городских центров. Кроме того, сельское хозяйство не обеспечивало потребности населения в продовольствии, что постоянно рассматривалось руководством как одна из важных тем экономической безопасности страны [Там же. С. 537]. Влияние на экономическую политику аграрного лобби вело не только к непропорционально высоким вложениям в отрасль, но и снижало эффективность этих вложений, направляя их в том числе туда, где они заведомо не могли окупиться, в том числе в «нечернозёмные» регионы РСФСР. По мнению автора, логичнее было бы сократить вложения в сельское хозяйство, сократив производство мяса и перейдя к его импорту вместо импорта зерна. Наряду с неэффективным сельским хозяйством экономика СССР сталкивалась и с другими проблемами: сокращение ресурсной базы, рост «денежного навеса» в условиях неизменяемых цен, необходимость помогать дружественным иностранным режимам, недостаточно эффективная работа ниж-него звена управленческого аппарата и многое другое. До начала 1980-х гг. эти проблемы можно было исправить или смягчить за счёт жёстких решений, пожертвовав кем-то из «священных коров»: ВПК, армией, космосом, сельским хозяйством, стабильными ценами, социальной политикой, помощью союзникам и сателлитам [Там же. С. 535]. Но ни на один из таких шагов руководство не смогло решиться. Попыткой выхода из тупика стали реформы М.С. Горбачева. Он нарушил существовавший в элите status quo и начал единолично рас-

*** Митрохин Николай Александрович включен в реестр иностранных агентов 08.09.2023**

поряжаться финансовыми ресурсами, игнорируя позиции несогласных с его политикой групп влияния. Эти резервы он направил на инвестиции, потворствуя поддерживающим его группировкам, в первую очередь аграрному лобби. К сожалению, они не успели бы быстро окупиться даже в том случае, если бы были сделаны удачно. Итогом политики М.С. Горбачева стало то, что СССР как экономический субъект оказался «полным банкротом с огромными непролонгируемыми долгами, который по рыночной логике не должен был существовать, а только подвергнуться официальной ликвидации и распродаже оставшегося имущества» [Там же. С. 554]. Конечно, эта красивая фраза, которой автор закончил свою книгу, нуждается в уточнении. Государства всё же не существуют по рыночной логике, и СССР не первое и не последнее в мире государство с большими долгами, но это не обязательно заканчивается распадом страны.

Заключение

Подводя итоги своим нескольким работам [*Ермолов*, 2020; 2021; 2022], посвящённым историографии распада СССР, остановлюсь на ключевых проблемах заявленной темы, путях их изучения и их сравнительном значении. Самый простой путь исследования, как может показаться, это акцент на официальной экономической политике, прежде всего на проблематике косыгинских реформ. По этому пути пошли многие отечественные исследователи. Любопытно, что здесь наблюдается единство между адептами двух наук — истории и экономики. Фактически для большинства из тех, кто пишут об экономике позднего СССР, именно косыгинские реформы становятся не только предметом, но и объектом исследования. С этими реформами связаны и часто поднимающиеся в работах вопросы о принципиальной возможности или невозможности реформировать советскую систему, о возможности или невозможности успешного сочетания плана и рынка. Складывается впечатление, что авторы, пишущие на эту тему, всё ещё продолжают полемику 1960–1980-х гг., хотя она сама уже должна превратиться в объект самостоятельных исследований. Что касается ценности этой старой полемики для понимания реальных проблем советской экономики, то неудачные экономические реформы 1990-х гг. показали бессилие научного сообщества бывшего СССР. Из этого можно сделать вывод, что представления большинства её участников были далеки от реальности.

Что касается самих косыгинских реформ, то само по себе их изучение всё ещё представляет собой определённую научную ценность, но было бы ошибкой преувеличивать их значение и превращать их в центральную проблему позднего СССР. В последнем случае этот вопрос может стать своеобразной «аберрацией близости», которое, как и «слепое пятно», закрывает от исследователя реальные процессы советской экономики. Изучение этого сюжета может раскрыть интересные смежные проблемы, такие как взаимоотношения власти и экономического научного сообщества в СССР, влияние политических лоббистов на принятие экономических решений, состояние экономической мысли в СССР. Разбор косыгинских реформ может быть хорошей стартовой точкой для более широкого исследования. Но само по себе значение этих реформ для событий второй половины 1980-х гг. было невелико.

Реальные косыгинские реформы или их какой-то более успешный аналог могли повысить эффективность управления экономикой (хотя мне здесь ближе позиция Ю.П. Бокарева [*Бокарев*, 2007. С. 220], сомневавшегося в пользе от внедрения элементов рыночной экономики, заимствованных из предыдущей исторической эпохи). Но это было не единственно возможное направление реформ. Так, есть более успешный пример децентрализации и реструктуризации управления экономикой на нерыночных принципах, проведённых в те же годы в ГДР (почему-то проигнорированный советским научным сообществом, больше интересовавшимся опытом Югославии и Венгрии). Вполне успешной могла оказаться

реформа, изменяющая неэффективные практики планирования (планирование от достигнутого или циклическое планирование), которая ориентировалась бы на показатели эффективности работы руководителей регионов и отраслей. В конце концов, мог оказаться эффективен так и не реализованный проект ОГАС, о котором до сих пор много пишут и дискутируют. Впрочем, его воплощение в жизнь представляется маловероятным по политическим причинам. Слишком многие элитные группы выступили бы против, слишком мала была заинтересованность в проекте потенциальных победителей в борьбе за контроль над системой.

Сейчас мы видим, какие сложные проблемы стояли перед СССР, и становится понятным, что большинство из них не могло быть решено ни косыгинскими реформами, ни каким-либо их более радикальным вариантом. Ряд этих проблем, которые и сейчас нельзя назвать вполне изученными, для большинства современников, в том числе учёных-экономистов, были фактически «слепыми пятнами», разновидностью когнитивного тупика.

Главной проблемой советской экономики, плохо понятой современниками, была необходимость интеграции в глобальную мировую экономику. Даже сейчас лишь небольшая часть исследователей, подобно С. Коткину [*Коткин*, 2018], помещает СССР в контекст глобальных социально-экономических процессов. В 1980-е и тем более 1970-е гг. мало кто в Советском Союзе мог понять, что эпоха национальных экономик подошла к концу, и прямо на их глазах идёт формирование глобальной экономической системы. Многие частные экономические проблемы были вызваны частичной изоляцией СССР от этой системы или же могли быть решены за счёт более тесной экономической интеграции с другими странами. СССР, как и другие промышленно развитые страны, столкнулся с проблемой исчерпания трудовых и природных ресурсов, что хорошо показывают исследования Р. Аллена [*Аллен*, 2013]. Но в отличие от более успешных стран, он не мог и почти не пытался решать эту проблему за счёт переноса производств в другие страны и использования чужих природных ресурсов. Как представляется сейчас, стоит задуматься над тем, что этому помешало.

Несчастье советской экономики объясняется тем, что, с одной стороны, советские руководители и лидеры научного сообщества не сумели найти ни успешную модель интеграции в мировую экономику, ни превратить СССР в альтернативный центр притяжения, формулирующий собственные интеграционные правила. В связи с этим крайне интересны исследования, посвященные экономическим взаимоотношениям между СССР и его союзниками и торговыми партнёрами, проводимые в России М.А Липкиным и его единомышленниками [*Липкин*, *Гладышева*, 2019]. Среди иностранных историков стоит отметить книгу О. Санчес-Сибони «Красная глобализация» [*Санчес-Сибони*, 2022]. Этот автор доказывает, что в действительности СССР принял и пытался использовать себе на пользу формируемые США правила глобальной экономики, а социалистический лагерь никогда не пытался быть реальной альтернативой Западному миру. Такие гипотезы имеют право на существование, но остаётся вопрос, было ли это сознательным решением, и понимали ли руководители СССР его последствия. В частности, понимали ли они то, что рано или поздно на этом пути им придётся подчиниться правилам в полной мере и пойти на поклон хозяевам мировой системы, соглашаясь на демонтаж и социалистической системы, и собственного государства.

Другой важной для изучения истории СССР проблемой является наличие внутри советской элиты групп влияния, воздействующих на экономическую политику. В принципе к этому вопросу разными путями приходят многие исследователи. Одни приходят к нему через анализ механизмов выработки решений экономической политики (Г.И. Ханин, Р.А. Белоусов), другие — через классовый анализ общества (А.И. Колганов, М. Левин, А.В. Шубин), третьи — через теорию элит (А. Гетти, Дж. Истер, Э. Модсли, С. Уайт). В любом случае сейчас уже нельзя спорить с тезисом, что элита имеет значение. Более того, в отношении советской элиты существует поразительное единодушие: её значение рассма-

тривается только как негативное, в ней видят препятствие для полезных реформ, в которых так нуждалась советская экономика. Ей ставят в упрёк оппортунистическое поведение, следование лишь своим местническим/ведомственным интересам. Но книга Митрохина* раскрывает старую тему с новой стороны. Неожиданно косная оппортунистическая элита позднего СССР оказывается последним препятствием на пути непродуманных действий лидера, ведущих страну к катастрофе. Это заставляет задуматься, всегда ли система, построенная на согласовании интересов влиятельных групп, хуже, чем единоличная дикта-тура сильного правителя, опирающегося на узкую группу единомышленников. Возможно, стоит провести ещё не одну переоценку роли советской элиты в судьбе экономики СССР, прежде чем выносить ей окончательный приговор.

Наконец, третья важнейшая проблема — это научно-технический прогресс в СССР. Ко всему, что с ним связано, сформировалось критическое отношение. В нём видят череду провалов, комбинацию неэффективных институтов и даже экономическую «чёрную дыру», худшую, чем сельское хозяйство. Такие оценки дают как российские, так и зарубежные авторы, такие как Л. Грэхем [*Грэхем*, 2014]. В этом негативном отношении есть определённая справедливость, так как советская наука, как минимум, не оправдала возложенных на неё надежд, подогреваемых мечтами о научно-технической революции. Этот провал внёс весомый вклад в экономические проблемы СССР. Но всё же, с другой стороны, советская инновационная модель работала, и механизм этой работы заслуживает самого пристального изучения. В конце концов, у неё были свои достоинства, достижения и нераскрытый потенциал. Сама по себе работающая инновационная модель — крайне интересный для изучения объект, ведь фактически свои оригинальные инновационные модели в то время были только у США и СССР.

Разумеется, перечисленными выше темами не должно ограничиваться изучение истории советской экономики. Удачный пример книги М. Славкиной [*Славкина*, 2015] показывает, как много может дать историческое исследование отдельной отрасли. Но таких исследований должно быть больше, желательно несколько по каждой из ключевых отрас-лей. Другое интересное направление, где исследователи успели сделать всего несколько шагов — изучение модели советского предприятия как социального явления. С ним тесно связано изучение региональной политики, влияния на экономику территориальных орга-нов управления.

В заключение хочется повторить уже сказанные в предыдущих работах выводы. Крах советского социализма — слишком сложное, многостороннее явление, и для его понимания недостаточно какой-то одной идеи, подхода, модели. Такое понимание может дать только сложный комплексный подход, который будет учитывать и сильные стороны уже использованных ранее подходов, и какие-либо другие новые взгляды. И пока такого подхода нет, то наблюдаемое многообразие взглядов может считаться скорее позитивным. Причём, если такого подхода нет сейчас, то тем более его не могло быть 40, 35, 30 лет назад, когда созревали идеи экономических реформ, предлагавших простые решения проблем, которые и сегодня не вполне ясны. Нельзя пока сказать, что у нас есть правильный диагноз, но можно сказать, что правильного диагноза не было и раньше [*Ермолов*, 2021. С. 109].

*** Митрохин Николай Александрович включен в реестр иностранных агентов 08.09.2023**

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аллен Р.С. (2013). *От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции* [*Allen R.C.* (2013). Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution]. — М.: РОССПЭН.

Белоусов Р.А. (2006*). Экономическая история России: XX век. Кн. 5. Драматический кризис в конце столетия* [*Belousov R.A.* (2006). Economic History of Russia: The Twentieth Century. Vol. 5. The Dramatic Crisis at the End of the Century]. — М.: ИздАТ.

Бокарев Ю.П. (2007). *СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы* [*Bokarev Yu.P.* (2007). The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West, 1970–1980s]. — М.: Наука.

Гайдар Е.Т. (2006). *Гибель империи: уроки для современной России* [*Gaidar E.T.* (2006) The Death of the Empire: Lessons for Modern Russia]. — М.: РОССПЭН.

Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. (2021). *Кристалл роста: к русскому экономическому чуду* [*Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M.* (2021) Crystal of Growth: Towards the Russian Economic Miracle]. — М.: Наше завтра.

Голанд Ю., Некипелов А. (2010). Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? [*Goland Yu., Nekipelov A.* (2010). Kosygin's reform: a missed chance or a mirage?] // *Российский экономический журнал.* № 6. С. 44–66.

Грэхэм Л. (2014). *Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России* [*Graham L.* (2014). Can Russia Compete? History of Inovnation in Tsarist, Soviet, and Modern Russia]. — М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер».

Григорьев О.В. (2014). *Эпоха роста. Лекции по неокономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы* [*Grigorjev O.V.* (2014) The Age of Growth. Lectures on Neoconomics. The Rise and Decline of the World Economic System]. — М.: Карьера пресс.

Ермолов А.Ю. (2020). Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Ч. 1) [*Ermolov A.Ju.* (2020). The Views of Modern Foreign Scientists on the Economic Problems of the Late USSR. (Part 1)] // *Вопросы теоретической экономики.* № 4. С. 126–140. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10409

Ермолов А.Ю. (2021). Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Ч. 2) [*Ermolov A.Ju.* (2021). The Views of Modern Foreign Scientists on the Economic Problems of the Late USSR. (Part 2)] // *Вопросы теоретической экономики.* № 1. С. 94–111. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10108.

*Ермолов А.*Ю. (2022). Причины экономического краха СССР в российской историографии [*Ermolov A.Ju.* (2022). Causes of the Economic Collapse of the USSR in Russian Historiography] // *Вопросы теоретической экономики.* №2. С. 139–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_139_154.

Колганов А.И. (2018). *Путь к социализму: пройденный и не пройденный. От Октябрьской революции к тупику перестройки* [*Kolganov A.I.* (2018). The Path to Socialism: Passed and Not Passed. From the October Revolution to the Impasse of Perestroika]. — М.: ЛЕНАНД.

Коткин С. (2018). *Предотвращенный армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000* [*Kotkin S.* (2018). Armageddon Averted. The Soviet Collapse, 1970–2000]. — М.: Новое литературное обозрение.

Липкин М.А., Гладышева А.С. (2019). Семеро против одного? Принятие комплексной программы социалистической экономической интеграции и «особая» позиция Румынии [*Gladysheva A.S., Lipkin M.A.* (2019). Seven against One? Adoption of a Comprehensive Program of Socialist Economic Integration and the «Special» Position of Romania] // *«Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х годов* / Отв. ред. М.А. Липкин. — М.: Весь мир. С. 148–182.

*Митрохин Н.** (2023). *Очерки истории советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 2.* [*Mitrokhin N.* *(2023). Essays on the History of Soviet Economic Policy in 1965–1989. Vol. 2]. — М.: Новое литературное обозрение.

Санчес-Сибони О. (2022). *Красная глобализация. Политическая экономика Холодной войны от Сталина до Хрущева* [*Sanchez-Sibony* O. (2022). Red Globalization. The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrustchev]. — М.: Academic studies press.

Славкина М.В. (2015). *Нефтегазовый фактор отечественной модернизации 1939–2008* [*Slavkina M.V.* (2015). Oil and gas factor of domestic modernization 1939–2008]. — М.: Весь мир.

Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) (2017). [A missed chance or the last valve? (To the 50th anniversary of the Kosygin reforms of 1965) (2017)]. — М.: КНОРУС

Ханин Г.И. (2008). *Экономическая история России в Новейшее время. Т. 1* [*Khanin G.I.* (2008). The economic history of Russia in Modern times. Vol. 1]. — Новосибирск: Издательство НГТУ.

Шлыков В.В. (2001). *Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика* [*Shlykov V.V.* (2001). What Ruined the Soviet Union? General Staff and Economy] // *Военный вестник МФИТ*. № 8–9.

Шубин А.В. (2001). *От застоя к реформам. СССР в 1917–1985 гг.* [*Shubin A.V.* (2001). From Stagnation to Reform. USSR in 1917–1985]. — М.: РОССПЭН.

Экономическая история СССР: очерки. (2007). [Economic History of the USSR: Essays. (2007)]. — М.: ИНФРА-М.

*** Митрохин Николай Александрович включен в реестр иностранных агентов 08.09.2023**

Ермолов Арсений Юрьевич
fhctybq@mail.ru

Arseniy Ermolov
Ph.D. (History), Senior Researcher at the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
fhctybq@mail.ru

THE VIEWS OF MODERN RUSSIAN SCIENTISTS ON THE ECONOMIC PROBLEMS OF THE LATE USSR

Abstract. In this report, the author describes the views of modern Russian historians and economists on the economic problems of the late USSR. Like modern foreign researchers, Russian scientists have proposed a number of their own interpretations of the economic problems of the late USSR, which in some ways overlap, and in some ways contradict each other. All this is influenced by memories of their own involvement in the events of the past or by the trauma of the collapse of the USSR, or unexpected for many political and economic transformations, which has not been cured in Soviet generations. In the latter case, scientific works can serve not only the search for truth, but also self-justification. Many authors have a strongly expressed ideological position that clearly affects their research. Nevertheless, useful ideas can be found in every study. Their study helps to identify "cognitive structures" that form explanations of past events. The second part of the article examines the views of economists, both within the mainstream and on the periphery of the scientific community.

Keywords: *Economic history of the USSR, collapse of the USSR, planned economy, socialism, market reforms, institutions, elites, bureaucracy.*
JEL: P2, P20, P21, P27, P3.